

Существенный аспект взаимодействия культур в глобальном мире связан с историческим расхождением и философско-когнитивными различиями практик принятия решений. Такого рода расхождения и различия невозможно игнорировать в диалоге Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Практика принятия решений представляет собой систему логико-когнитивных схем, в соответствии с которыми организуются мысли, чувства и поведение, неотделимые от своей культурной основы. Актуальными в принятии решений являются вопросы: Что генерирует принятие решений? Какие факторы способствуют, какие препятствуют принятию решений? Каковы критерии различения универсальных и культурно-специфических факторов? Чем обусловлена универсальность или культурная специфичность факторов? и др. Подобные вопросы инспирируют поиск философско-когнитивных оснований принятия решений в Китае, понимание которых влияет на установление и поддержание разного типа коммуникативных и деловых связей и отношений с представителями данной страны. Поэтому цель доклада заключается в обосновании базовых концептов даосизма и конфуцианства в качестве условий принятия решений в Китае.

Базовые концепты даосизма и конфуцианства составляют философско-когнитивные основания стратегий принятия решений в Китае вследствие того, что именно в них был воплощен практицизм древнекитайской логической рефлексии и очерчен круг когнитивных задач. Свойственное древнекитайской мысли стремление понять конститутивные составляющие социальной реальности как механизмы самоорганизации общества объясняет акценты логической рефлексии. Акценты были сделаны на атрибутах сознания человека и производных от них социальных качествах, что позволило выявить антрополого-когнитивные факторы жизненного порядка и мышления [1, с. 241–242]. Коррелятами такого рода факторов выступают переживания мира (чувства и эмоции), отношение к миру (воля) и осмысление мира (ум или знания). Подобная когнитивная архитектура сознания обуславливает открытость миру или защиту от него, сохранение идентичности личности или потерю ее, следование естественности или произвольности, необходимость прочувствовать существующее или осмыслить его, что в конечном итоге определяет избыток или дефицит жизненного порядка.

Поиск сущности и путей организации жизненного порядка в древнекитайской философии и логике был сопряжен с интерпретацией истины не как интеллигибельной конструкции, а как практического и непременно деятельно-этического принципа. Путь к истине противоречив, так как постоянно требует дополнительной информации в условиях неполноты знаний, поиска новых способов решения, которые всегда относительны и их эффективность зависит от множества факторов [2, с. 63]. Это означает, что социальная самоорганиза-

ция неотделима от нравственного самоопределения. Их синергизм поддерживается двумя концептуальными допущениями, во-первых, корреляцией *дао* и принципа *увэй* (недеяния), во-вторых, стратегией сохранения «лица».

Первое концептуальное допущение – корреляция *дао* и принципа *увэй* – обосновано в даосизме. *Дао* – ключевая категория даосизма – означает высшую абсолютную реальность, обуславливающую сущность вещей, или «генеральную форму бытия» [3, с. 6]. Лаоцзы в трактате «Даодецзин» раскрыл ее содержание в корреляции с категориями *ци* и *дэ* [4, с. 6]. Если *Дао* – естественный путь, то *ци* представляет собой возможную модель реализации *дао*, а *дэ* реализуется как добродетель. *Ци* – первичная материя, обладающая двумя несовместимыми формами: *инь* (темнота, пассивность, женское начало) и *ян* (свет, активность, мужское начало). *Дэ* – феноменология человека, его жизненный мир. От самого человека как части природы зависят его счастье или несчастье, богатство или нищета, здоровье или болезнь, порядок или смута. Подобная зависимость по-разному интерпретировалась в различных китайских философских системах. Например, интерпретация даосизма в философии законников (философия легистов) основывалась на постулате о девиациях: поскольку человек по своей природе зол, завистлив и злобен, поэтому на него следует воздействовать не только с помощью воспитательных мер, но и законов.

Коррелятом *дао* выступает эксплицитная характеристика поведения человека *увэй*, означающее «недеяние» как осмысленное бездействие, как избегание прогноза, как отсутствие представлений о результате. Данная стратегия, проповедуемая Лао-цзы, не подразумевает бездеятельность вообще. Она есть выражение естественного отношения к вещам и к миру, или предельное основание (начало) любого действия. Каждый индивид должен действовать естественным образом, выходя сам по себе из бездействия как исходной точки, без внешнего влияния и принуждения. Соблюдающий принцип *увэй*, поддерживает естественный характер вещей и естественный ход событий, не выходя, таким образом, за пределы, в которых можно действовать разумно. «*Дао* постоянно осуществляет недеяние» [5, с. 98].

Согласно подходу Чжуанцзы (или, иначе, Чжуан Чжоу), – еще одного источника даосизма – все следует рассматривать в неразрывном единстве противоположностей. Такого рода единство порождает целостный подход к любому явлению в контекстах «истины и иллюзии, подсознательного и сознательного, морали и аморальности, бедности и богатства, добра и зла, счастья и несчастья, большого и малого, твердого и мягкого, сильного и слабого» [цит. по: 5, с. 99]. Согласно Чжуанцзы, «лучше всего утверждать, что истина имеет свою бескрайность, и не истина также имеет свою бескрайность». Он приводит следующий аргумент. «Каждое нечто – это ‘я’, но каждое нечто – это и ‘не я’. Каждый не видит своего ‘не я’, но поймет это только тогда, когда познает себя самого как ‘не я’. Именно поэтому и говорится: ‘Не я’ появляется из ‘я’, ‘я’ – это также следствие ‘не я’». Данную казуистику можно интерпретировать, например, следующим образом: невозможно принять правильное решение без отнесенности его к иным формам существования «пра-

вильности», «решения» и «правильности решения». В контексте даосизма «‘я’ и ‘не я’ проявляются в сравнении друг с другом. <...> Когда появляется возможность, появляется и невозможность, когда появляется не истина, не истина порождает истину. Поэтому мудрый не следует им, проистекающим из „я“, а следует природе. ‘Я’ – это ‘не я’, ‘не я’ – это ‘я’. У меня есть своя истина и не истина. Действительно ли нет разницы между ‘я’ и ‘не я’? Пока ‘я’ и ‘не я’ не стали парой (противоположностями) их называют осью, сущностью пути (*Дао*), сущность приобретает центр, который соответствует бескрайности» [6, с. 184–185].

Дао имплицитно свойственно вещам, но не имеет имен в том смысле, что данные имплицитные свойства невозможно рационализировать. «*Дао*, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*» [7, с. 34]. Вечно несовместимые координаты – «интенсивность / умеренность», «устойчивость / изменчивость», «широта / узость», «включенность / отстраненность» и иные – остаются в даосизме иррациональными величинами. Их рационализация Хуэй Ши в школе имен стала возможной благодаря рефлексии онтологического единства отношений между отдельными предметами. «Когда тождественные вещи отличаются от вещей, с которыми они мало тождественны, это называется тождеством различия. Однако все вещи, в конце концов, и тождественны, и различны, что называется великим тождеством различного» [8, с. 56].

Второе концептуальное допущение – стратегия сохранения «лица» – обосновано в конфуцианстве. В конфуцианской философии категория *Дао* была интерпретирована как нравственный путь, включающий четыре начала: гуманность или человеколюбие (*жэнь*), ум или знания (*чжи*), ритуал или этикет (*ли*), справедливость (*и*). Они проявляются как черты характера благородного мужа (*цзюнь цзы*). Модель нравственного пути представляет собой модальную систему, в пределах которой раскрываются способы поведения, какими человек «являет себя» миру. Образцовое поведение обусловлено человеколюбием, которое производно от пяти свойств человека: почтительности, обходительности, правдивости, сметливости и доброты. Конфуций подтвердил каждое свойство позитивными социальными следствиями: «Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, то он добивается успехов. Если человек добр, – он может использовать других». Как результат, эмпирическая истина человеколюбия заключается в недопущении нигилистического, эгоистического или пристрастного восприятия мира, начиная с разочарований и апатии и заканчивая цинизмом и тотальным отрицанием: «Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут чувствовать вражды» [9, с. 522].

Критерием в конфуцианской модели нравственности выступает «лицо», которое человек «предъявляет» окружению. Например, «благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду» [10, с. 35], «благородный муж постигает справедливость, малый человек постигает выгоду», «благородный человек прежде видит в слове дело, а после – сказанному сле-

дует» [11, с. 23, 33]. В соответствии с конфуцианской доктриной для сохранения «лица» благородный муж, в отличие от низкого мужа, должен постоянно выполнять ряд обязанностей: «учиться и время от времени повторять выученное», «оставаться в неизвестности и не испытывать обиды», «стремится к преданности и искренности», «совершая ошибку, не бояться ее исправить». «Когда благородный муж умерен в пище, не стремится к удобству в жилище, ловок в работе, сдержан в речах, для самоусовершенствования сближается с людьми, обладающими правильными принципами, о нем можно сказать, что он любит учиться». Он «ко всему относится одинаково, он не проявляет пристрастий» [12] [1, с. 142, 144].

Базовые концептуализации даосизма и конфуцианства – принцип *увэй* и концепция «лица» – представляют собой когнитивные схемы, в соответствии с которыми осуществляется стратегическое планирование в различных типах коммуникаций. В соответствии с ними были разграничены, с одной стороны, ситуация или конфигурация событий с заключенным в них потенциалом, с другой, – множество человеческих усилий, возможно, целесообразных, возможно, неуместных, по отношению к ним. Подобное разграничение позволяет различать два типа ресурсов: во-первых, ресурсы, обеспечиваемые самой ситуацией и возможностями ее естественного развития; во-вторых, ресурсы, обусловленные способностями, умениями и компетенциями самого человека.

Согласно базовому принципу даосизма – принципу *увэй* – ситуация и человеческие усилия по ее изменению неравнозначны. Навязанные миру нашими усилиями изменения значат гораздо меньше, чем условия, которые без личностных усилий приводят к результатам. Поэтому не следует вмешиваться в естественный процесс, пытаясь его, например, ускорить или замедлить, но нужно, во-первых, максимально использовать потенциал, заключенный в ситуации или конфигурации событий, извлекая из него все возможные позитивные следствия, во-вторых, блокировать то, что препятствует естественному процессу, порождая негативные следствия.

Европеизированная логика принятия решений оставляет главенствующую роль за стратегом, или агентом принятия решений. Поэтому, например, в педагогике или медицине в качестве доминанты признается личный вклад учителя или врача в такие события как достижения ученика или излечение пациента. Способности обучающегося или ресурсы человеческого организма уходят на второй план или вовсе игнорируются. Отсюда знаковыми методологическими конструктами в исследованиях выступают проблемная ситуация, проблемное поле, проблемный способ изложения и прочие варианты неопределенностей и рисков, порожденные не объективными обстоятельствами, а человеческим сознанием. В частности, открытым остается вопрос о множестве не таких талантливых и способных учеников, которых этот же учитель не привел к значимым достижениям, о множестве пациентов, которые не были излечены этим врачом.

Фиксация и разрешение проблемной ситуации как отношение между целью (предметом) и средствами ее достижения (его преобразования) составляет суть основной стратегии в европеизированной системе принятия решений.

Свойством этого отношения является рассогласованность между его элементами – целью и средствами. Подобная формализация требует неукоснительного исполнения логических стандартов: непротиворечивость системы высказываний, строгое следование заключения из посылок, искомого – из задачи. Это есть знание, постигнутое мыслительным путем. Критерий мыслительного процесса – наличие дедукции, индукции или аналогии. Отсутствие анализа и оценки дедуктивной, индуктивной или аналогической структуры рассуждений ставит под сомнение наличие самого мыслительного процесса. Отсюда вполне объяснимыми становятся пристрастность как базовый принцип принятия решений в европейской и, в частности, в отечественной системе коммуникаций. Пристрастность в принятии решения, свойственная западному мышлению, принимает форму предубежденности или предвзятости. Предубежденность означает обусловленность представлениями о собственной пользе или личной выгоде и принятие решений в соответствии с предварительно сформированными моделями ситуаций. Предвзятость – оправдание личных устремлений и желаний в соответствии с заранее сконструированными когнитивными схемами решений.

Решения, в соответствии с учением Лаоцзы о *Дао*, принимаются на основе классификационно-категориальных схем для построения выводов в контексте трех базисных концептов: *Дао*, *Ци* и *Дэ*. *Дао* как естественный путь и *Ци* как возможная модель реализации *Дао* предполагают *Дэ* как добродетель. Закономерным оказывается вопрос о рамках, вне которых человеческий путь становится не добродетельным, следовательно, несовместимым с *Ци* и *Дао*. Например, тезис Лаоцзы «Добрый не красноречив» и вывод из него по правилу конверсии «Красноречивый не может быть добрым» разграничивают в пространстве коммуникации понятия добродетели и красноречия (риторики). «Знающий не доказывает, доказывающий не знает», поэтому, по Лаоцзы, необходимо уходить от доказывания чего-либо, так как это не свидетельствует о знании. Аргументом знания выступает молчание. Подобное речевое бездействие составляет суть первой фундаментальной стратегии в принятии решений, предусматривающей максимальное развертывание естественного процесса, в отношении которого можно что-то предпринять.

Вторая фундаментальная стратегия в принятии решений – конфуцианская стратегия сохранения «лица». Она предполагает две тактики: сохранение «мянь» (面 miàn) и сохранение «лянь» (臉 liǎn), обусловленные различием личного статуса и статуса социального [13, с. 351]. «Мянь» – «личный статус – это положение, которое человек занимает в первичной группе в зависимости от того, как он оценивается в качестве человеческого существа» [13, с. 351–352]. Данный статус определяется балансом естественности (*Дао*) и воспитанности, балансом невозмутимости и реакции на окружающий мир. «Если в человеке естественность преобладает над воспитанием, то он подобен чудаку (простаку). Если воспитанность превосходит естественность, то он подобен книжному ученому (демагогу, лицемеру). После того как естественность и воспитанность в человеке уравновесят друг друга, он становится “благородным мужем”» [12] [1, с. 152].

Социальный статус определяется категорией, к которой относится человек. Категории оцениваются в соответствии с местом в системе социальной стратификации. Занимаемое место является функцией исполнительности: исполнение социальных норм, предъявляемых к нему обществом, и социальных ожиданий со стороны общества. Сохранение «лянь» более важно, чем «мянь», ибо «означает репутацию человека, который выполнит свои обязательства, как бы трудно ему ни было это сделать. Человек теряет «лянь», если будет изобличен в нечестности или если события обнаружат непростительную скудность его ума» [13, с. 352].

Требования, предъявляемые к социальному «лицу», возрастают по мере повышения его статуса: «чем выше положение человека, тем больше достоинства и самоконтроля ожидается от него и тем более он уязвим». Поэтому без «лянь» человек теряет социальное положение и может оказаться в изоляции. Поддержание высокой степени социализации человека обусловлено необходимостью сильной привязки к другим. Человек свободен свободой других или совместно с другими. Степень социализации человека зависит от его места и роли в обществе, которые определяют силу привязки к другим людям. Поэтому «чтобы достичь своих целей “благородный муж” должен стремиться иметь подходящее окружение людей-соратников, которые бы ему помогали, и таким образом его благородство вырисовывалось еще ярче» [5, с. 108].

Слишком индивидуалистическое сознание, независимое от сознания других людей, оказывается менее продуктивным, по сравнению с сознанием, ориентированным на Другое. Поэтому в принятии решений значимыми для сохранения «лица» оказываются этические предикативные цепи. Их примерами могут служить максимы – схемы, в соответствии с которыми реализуются замыслы коммуникаторов в общении. В частности, согласно максиме одобрения, минимизация неодобрения Другого более значима по сравнению с максимизацией его восхваления. Согласно максиме скромности, минимизация восхваления себя более значима по сравнению с максимизацией неодобрения себя [14, с. 259].

Взаимодействие двух концептуальных стратегий в принятии решений – *увэй* и сохранение «лица» – особенно очевидно воспроизводится в формуле управления: «управлять – значит исправлять». Она отличается от европейской стратегии: «управлять – значит предвидеть». Тактики «исправление имен» и «прогнозирование рисков» имеют разное направление во времени. «Если имя не исправлено, то слово будет противоречить делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено» [цит. по: 5, с. 109]. Следовательно, необходимо произвести коррекцию состояния дела и поместить его в естественные (традиционные) рамки. «Прогнозирование рисков» ориентировано в будущее и может упускать важное в прошлом или настоящем состоянии дела. Именно по этой причине ожидаемый результат иногда не наступает, а контроль действий оказывается невозможным. Как верно подчеркивают М. А. Мацевич и В. В. Валеитенок, установки европейцев на постановку и достижение целей, привязанность их к результатам своей деятельности несовместимы с китайскими императивами, «идущими в разрез с концепцией планирования» и раскрываемыми как *увэй* [15, с. 381, 383].

Философско-когнитивные основания принятия решений раскрывают способы реконструкции реальности во времени и пространстве. Подобные способы зависят от философских систем, на которые они опираются. Формализовать сами способы реконструкции и оценить полноту свойств, связей и отношений реконструктивной модели реальности позволяет комбинаторная решетка высказываний и группа операций, применимая к ним [16, с. 67–70]. Логическая формализация доказывает, что структуры понимания, объяснения и предвидения совпадают вследствие своей универсальности. Но по свойству «принадлежность времени» отличаются друг от друга, воспроизводя, соответственно, прошлое, настоящее и будущее [16, с. 70–71].

Таким образом, принятие решений в Китае обусловлено рядом когнитивных факторов, истоками которых следует рассматривать философию даосизма и конфуцианства. В их рамках были разработаны алгоритмы мысли, чувства и поведения человека, синкретизмом которых обусловлена самоорганизация порядка в социуме и коммуникации. Две фундаментальные стратегии в принятии решений – минимизация действий (*увэй*) и сохранение «лица» – действуют как взаимно дополняющие друг друга принципы в практике принятия решений. Минимизация действий предполагает приоритет естественного хода событий по отношению к попыткам изменения его естественности или пространственно-временных характеристик самого хода событий. Дополнением данной стратегии выступает стратегия сохранения лица как агента принятия решений в указанном паритете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева, С. В. Специфика когнитивного стиля мышления в Древнем Китае / С. В. Воробьева // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. V. В 2 ч. Ч. 2. / ред. кол. А. Н Гордей (отв. ред.), Цуй Цимин (зам. отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2015. – С. 241–250.
2. Воробьева, С. В. Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации / С. В. Воробьева // Философия и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 62–67.
3. Васильев, Л. С. Предисловие / Л. С. Васильев // Дао и даосизм в Китае. – М. : Наука, 1982. – С. 5–6.
4. Лао Цзы. Дао Дэ Цзин [Электронный ресурс] / пер. В. Странника. – Режим доступа: http://taoroooh.narod.ru/3/ddc_strann.pdf. – Дата доступа: 13.12.2018.
5. Ганчев, П. Возрождающийся гигант. Цивилизация и философия древнего и современного Китая / Петко Ганчев; пер. с болг. О.В. Бекасовой. – Минск : БГУ, 2006. – 391 с.
6. Древнекитайские мыслители. Чжуанцзы / пер. с кит. Бора Белливанова. – София, 1980. – 292 с.
7. Дао дэ цзин / пер. Ян Хин-шуна // Дао : гармония мира. – М. : ЗАО ЭКСМО-Пресс, Харьков : Фолио, 1999. – С. 34–76.
8. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. – М. : Мысль, 1991. – 590 с.
9. Беседы и суждения Конфуция / Конфуций ; сост., авт. примеч., ред. Р. В. Грищенко, авт. предисл. Л. С. Переломов. – Санкт-Петербург : Кристалл, 1999. – 120 с.
10. Афоризмы мудрецов Древнего Китая // Великие мысли великих людей : Большая книга афоризмов / сост. А. П. Кондрашов, И. И. Комарова. – М. : РИПОЛ-Классик, 2004. – 1216 с.
11. Конфуций. Уроки мудрости: сочинения / Конфуций. – М. : ЗАО ЭКСМО-Пресс; Харьков : Фолио, 2002. – 958 с.

12. Древнекитайская философия. В 2 т. / сост. Ян Хин-Шун. – М. : Принт, 1994. – Т. 1. – 363 с.; Т. 2. – 384 с.
13. *Шибутани, Т.* Социальная психология / Т. Шибутани ; пер. с англ. В. Б. Ольшанского. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 544 с.
14. *Воробьева, С. В.* Логико-методологические аспекты конфуцианской модели личности / С. В. Воробьева // Беларусь – Китай : сб. науч. тр. – Вып. 11. В 2 ч. / под общ. ред. А. Н. Гордея, Лю Сулин. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2012. – С. 259–265.
15. *Мацевич, М. Я.* Компаративный анализ европейского «активизма» и китайского императива поведения / М. Я. Мацевич, В. В. Валейтёнок // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 381–389.
16. *Воробьева, С. В.* Логика и коммуникация : пособие / С. В. Воробьева. – Минск : БГУ, 2010. – 327 с.